

не будет: на конец 2015 года запланировано закрытие базы.

Лесам же Нижней Саксонии исчезновение не грозит. В одном из лесных массивов и располагался лагерь для военнопленных Берген-Бельзен.

Берген-Бельзен

Здания мемориального комплекса будто врываются в лесную чащу: строгие, аскетичные и монолитные. Благодаря своей сдержанности они не отвлекают внимание посетителей и служат тем задачам, которые на них возложены — быть местом покоя, памяти, передачи знаний и сосредоточенности.

Берген-Бельзен, в отличие от Аушвица, никогда не был лагерем уничтожения, только лагерем военнопленных и концентрационным лагерем. Но если в Освенциме, в основном, везли евреев, то сюда — советских военнопленных. Со всеми вытекающими последствиями: расстрелы, извод голодом, отправка на медицинские опыты, и вообще «особое отношение», которое не подразумевало соблюдение Женевской конвенции о военнопленных.

Памятник советским узникам, которых погибло здесь около 20 тысяч, находится в чаще леса. К нему ведёт аккуратная тропинка, указатели не дадут потеряться. На месте бывшего концлагеря не осталось никаких построек: большую часть зданий армия союзников сожгла вскоре после освобождения во избежание распространения инфекций.

Пространственное воображение призваны подстёгивать выложенные камнями и особым образом сделанные просеки, а также освобожденные от растений площади. Они показывают границы лагеря, территории, некогда занятые бараками, ограждения между различными частями (для евреев, военнопленных, женщин и других).

Но главное в Берген-Бельзене — это всё-таки экспозиция, содержащая кинохронику освобождения, фотоматериалы, архивные документы, видеопослегов с бывшими узниками, материалы СМИ и многое другое. Это — История с большой буквы, ведущая своё начало от строительства лагеря и заканчивающаяся материалами о суде над охранниками.

Упомянуты все и вся. Раскрыта особенность Берген-Бельзена и его вписанность в общий контекст лагерей, войны и мировой политики в то время. Повествование, которое предлагается посетителям, сохраняет хрупкое равновесие исторического исследования, не впадая ни в обличительный пафос, ни в холодную отстранённость, часто маскирующуюся под «следование фактам».

Невозможно остаться равнодушным, посетив Аушвиц-Биркенау. Невозможно не задуматься после визита в Берген-Бельзен. Они похожи и различны между собой как документальный фильм и биография. Посетить Аушвиц — значит побывать на месте преступления, Берген — прочитать материалы судебного процесса. В Польше вам покажут, что произошло, в Германии — как это могло случиться. И если, кажется, в Аушвице старуха с косой руководила лагерем, то в Бергене она жила вместе с заключёнными.

Но есть и то, что объединяет их. Точнее — тот. Его зовут Йозеф Крамер, руководитель газовых камер Аушвица, а затем комендант лагеря Берген-Бельзен, с приездом которого смертность в нём увеличивалась. Карьерист, любящий муж и отец трёх детей. Фигура Крамера заставляет вспомнить известное эссе Ханы Арендт «Банальность

зла» о судебном процессе над Эйхманом: «Проблема заключалась именно в том, что таких, как он, было много, и многие не были ни извращенцами, ни садистами — они были и есть ужасно и ужасающе нормальными».

Злоупотребление властью — распространённое явление в мире политики. И военные преступления — при ведении боевых действий. Ведь и война есть продолжение политики другими средствами, согласно Карлу фон Клаузевицу. Но поражает именно неслучайность и глубокая укоренённость происходивших явлений в социально-экономической и политической системе, лидеры которой предстали на Нюрнбергском процессе. Рациональность творимых деяний, доведенная до предела и зафиксированная в документах. Экономическая целесообразность, которой подчинялась жизнь и смерть в концлагерях. Ничего личного. Ничего лишнего. Никого лишнего.

В конечном счёте, подобные места — это дневники памяти как для отдельного человека, так и всего человечества. Эти дневники напоминают: пока сохраняются условия для повторения, угроза не преодолена.